

ОН ШЕЛ по Тверскому бульвару и, дойдя до площади Пушкина, свернул на улицу Горького, увидел театр и вошел просто так — была у него договоренность с другим театром, но он почему-то отложил формальности до будущего понедельника. И, войдя в этот, тогда еще чужой театр, увидел портрет Станиславского, тот самый, у которого мы стояли теперь, сразу вспомнил, что здесь работали Урбанский, Леонов, и, неожиданно все решив, прошел к кабинету директора, постучал в дверь...

С того памятного дня Сергей Шакуров — артист Театра имени Станиславского; здесь, на этой сцене, он сыграл своего Сирано; здесь достигла его «звездная» слава; отсюда, из этого дома, он уезжает на съемки и сюда возвращается...

— Я не артист по призванию. Я — спортсмен!..

— А кем бы вы были сейчас, в сорок?

— Я был бы тренером.

И жесткая складка у рта. И сразу заметнее морщинки у глаз. И голос даже стал какой-то особый, тонированный своеобразным «спортивным» стилем; так и вправду говорят некоторые знаменитые мастера спорта.

— Вы это не пишете. Об этом писали.

Это про то, что он мастер спорта по акробатике. И заодно про Арбат, на котором рос. Про детский театр, где кончал студию, а бегал на взрослые репетиции. А потом его вводили и в сами спектакли. И пусть это были небольшие роли, но рядом играли Дуров и Сайфуллин... И театр ставил пьесы драматурга Розова, как раз и замечательного юного Сережу Шакурова на репетициях школьного кружка, а то быть бы Шакурову спортсменом... Наконец, про Анатолия Эфроса, начинавшего тогда свой путь.

И опять неожиданно, после разговора о режиссуре Эфроса:

— Я не люблю полутонув. Люблю определенности!

— Он артист — это прежде всего, — это уже говорит Сергей Соловьев, снимавший Шакурова в трех — и очень важных для них обоих — фильмах.

А вот Никита Михалков:

— Очень сложный актер. Но противоречивость его — не от природного упрямства, а от профессии.

Режиссер Андрей Смирнов:

— Работая, он вроде думал свое. У меня было ощущение, что мои слова он воспринимает как-то не так, но результат совпадал. Иногда казалось — получается шутка. Но уверен — большая домашняя работа...

— Я впервые увидел Сергея Шакурова, — рассказывает Андрей Смирнов, — в кинопробах. Невозможно было поверить, что он в первый раз перед камерой. Никакой внутренней суеи. Свобода. Острота. На него смотреть хочется. Сразу начинается кино... Он ждал почти пятнадцать лет своей известности.

А вот как считает Витаутас Жалакявичус:

— У Шакурова особая разновидность творческого «отчуждения». Он умеет не ценить себя, не боится поиздеваться над собою и высечь своего героя.

Наконец сам Шакуров:

— Я вообще противник актерского амплуа. Работая над ролью, я всегда иду от драматургии. От написанного. Для меня главное — текст!..

Сергей Шакуров чем-то напоминает актеров тридцатых годов, тех, которые так талантливо выражали уверенность в себе тип энтузиаста: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!» Не потому, что похож на них внешне, хотя похож безусловно — тип социального героя, и в этом смысле продолжение традиции, — а внутренней силой,

люди искусства

Призвание — артист

Ирина ПОВОЛОЦКАЯ,
кинорежиссер

небывалым душевным взлетом. Одновременно Сергей Шакуров, являясь перед зрителем каждый раз почти в неизменном облике, представляет персонажей разных, абсолютно отличных друг от друга. Сергей Шакуров, и в этом, безусловно, его «театральное» воспитание, играет образ. Появляясь перед нами без грима почти и ничего не рисуя на лице, он неузнаваем.

...Степана Сечкина во «Вкусе хлеба» он и играет как будто шута.

Степан Сечкин в исполнении Сергея Шакурова — тот, о ком у нас говорят: «Ну, артист!», иногда с недоверием к серьезности намерений, иногда с удивлением перед артистической природой такого человека: бывает и с осуждением, но чаще с восхищением. Появившись перед нами в забытом уже, а когда не было одежды параднее, черном костюме с зауженными брюками, он, Сечкин, в последующем эпизоде будет скакать вокруг стола под любимую пластинку буквально на палочке верхом, да еще скорость переставлять, чтобы быстрее, шибче можно было скакать вокруг стола вместе с только что сейчас найденным другом и будущим главным инженером будущего совхоза. Герой Шакурова неждан каждый раз по-новому, но всегда талантлив, в любом движении — я сейчас о Сечкине, а не о Шакурове, хотя только талант и под силу передать талант.

Сечкин живет в фильме будто самостоятельно, сам по себе, а не по велению сценаристов и режиссера. Он появляется и одаряет нас своей улыбкой. Резкою. Прекрасною. Мужскою. И через какие болевые моменты ни проходит Сечкин, он остается верен себе и делу, он все равно, даже оказавшись разжалованным Сечкиным, конюхом, а не директором совхоза, хозяин жизни. Он — до-

ма. Гражданский пафос роли для меня прежде всего даже не в неистребимой энергии Сечкина, и не только в его преданности делу, которое он умеет делать и знает, а вот в этой прекрасной свободе самого существа героя. Сечкин — Шакуров свободен в самом высоком и точном смысле этого слова.

За исполнение этой роли Сергей Шакуров удостоен Государственной премии СССР.

За несколько лет до этого, почти сразу после «начфинбюкома» Забелина в фильме Н. Михалкова, Шакуров сыграл пионервожатого Сергея Борисовича у режиссера С. Соловьева в его «Ста днях после детства». Сергей Соловьев увидел в Шакурове совсем иные возможности — перед нами интеллигентный человек, в некотором смысле выражающий даже авторское отношение к происходящему, авторскую позицию, что подтверждено последующим участием Сергея Шакурова во всех фильмах трилогии Соловьева, поскольку с появлением «Наследницы по прямой» — это, безусловно, трилогия, Сергей Шакуров играет русского интеллигента в том единственном и первоначальном смысле, что есть понятие и достоинство теперь уже мировое.

Через почти чеховский облик, через мягкость и даже нерешительность — поразительная нравственная чистота и стойкость духа. Это и в вожатом в «Ста днях», и в учителе Ларикове — фильм «Спасатель» так и кончается словами героя о Ларикове, когда его ученик, вчерашний мальчик, а нынешний солдат, а, следовательно, защитник, вспоминает его с нежностью, и не просто вспоминает с открытой в себе благодарностью, а воспоминание об учителе входит в его систему объяснения в любви всему миру юности: «Возлюбленный мой город...»

И, наконец, Пушкин. Наш

Пушкин, мой Пушкин и твой — в последнем фильме трилогии «Наследница по прямой». Сергей Шакуров играет Пушкина, если угодно, играет в Пушкина. И это не в обиду артисту, отнюдь. И не панибратство тут, а высшее отношение к гению — поистине народное, фольклорное. Нет, артист Шакуров не скрывает, что он не Пушкин, он — артист Сергей Шакуров, который показывает нам Пушкина. Вместе с режиссером Сергеем Соловьевым он не боится заставить своего героя в сердцах «зафутболить» ногою современную консервную банку, но зато с какою отчаянною радостью вдруг замирает наше сердце, когда в конце фильма Поэт, а в лице его и подлинная страсть, и нежность, и грустная мудрость, слушает свои строки, прочтенные юною героиней.

— А ваша любимая роль в кино какая, Сергей Каюмович?

На стереотипный вопрос волей-неволей даже привыкший всех удивлять может ответить обыкновенно или, наоборот, с выкрутасом, в котором истины не усмотришь. А вот Шакуров и на этот раз отвечает ответом, впрямь меня удивившим:

— Сергуни из «Верой и правдой»...

Картина названа не то что обобщенная, а даже раскрытая. И роль Сергуни Крякина особенных лавров не принесла. Шакуров делает роль Сергуни на грани правдоподобия. Он почти эксцентричен, по крайней мере в изящных «выходах», и впрямь клоунских, со своей неизменной, заявленной еще сценарием улыбочкой и повторимого многократно репликой: «Во-первых, здравствуй!». Судьба Сергуни, вырастающего на наших глазах, вместе и рядом с другими персонажами, проживающими бок о бок разные времена, и, делая свое дело поистине верой и правдой, звучит ярко драматической темой, сохраняя свое звучание до конца в общем полифоническом строе фильма.

...За нашими плечами, на высоте наших голов, прямо над лестницей служебного входа театра — портрет К. С. Станиславского.

— Как вы относитесь к нему?

— Прекрасно! — и улыбка. Та улыбка артиста, которая наравне с другими качествами завоевала сердца миллионов зрителей. — Люблю... Я вообще мечтал бы работать в таком театре, как хотел он.

По-моему, Шакуров, «пойман с поличным», потому что сейчас, говоря о Станиславском, он имеет в виду одну и определенную профессию — профессию артиста...

— Для меня нет вопроса, театр или кино... То, что я для себя не добиваю в театре, я получаю в кино.

Ох, уж эти современные прагматики, так лихо скрывающие душу. Но есть и другие слова, сказанные почти в сердцах, но и от сердца:

— Я хочу распеветь их! Я должен это сделать!

Это он о нас так — о публике... Да, этот артист знает даваемую лишь театром блаженную близость с живым зрителем; знает радость от его лица — оно перед тобою открыто, оно готово одушевиться тобою и поверить тебе.

Артист Сергей Шакуров — конечно же, артист! Артист по призванию. В самом звучании и значении слова «призвание» есть нечто от призыва, от долга. Не ты сам — тебя призывают. Талант своеобразно диктует тебе твой путь, ведет сквозь радости и горечь поражений, ведет к призванию, в котором не только твоя любовь, но и сама судьба твоя.

● Заслуженный артист
РСФСР С. Шакуров.
Фото В. Кузнецова.